

Глава 24. «Синева»

Вернувшись в университет, Фу Цзяньси наскоро перекусил в столовой и сразу же заперся в художественной мастерской.

Кроме него в просторном зале сидели ещё человека три. Они были с других курсов или факультетов, да и Цзяньси всё равно их не знал — он до сих пор не мог запомнить по именам даже своих одногруппников.

Холст тонул в синеве. Лазурное небо плавно перетекало в глубокую озерную гладь, и на стыке двух стихий тонкими штрихами проступала белизна — то ли облачная дымка, то ли дрожащие на воде блики. За четыре часа упорной работы на небе не появилось ничего, кроме этих мягких, пушистых облаков, а озеро так и осталось пустым, если не считать живого, пульсирующего мерцания волн.

Ещё часа два назад безымянный палец на правой руке начал судорожно подрагивать, а затем и вовсе онемел. Впрочем, при его манере часами держать кисть мёртвой хваткой в этом не было ничего удивительного.

На краю деревянной палитры завибрировал телефон. Экран вспыхнул — пришло сообщение от Дацзяня.

Дацзянь: «Жди после пар, пойдём поедим».

Фу Цзяньси: «Я в зале тхэквондо».

Дацзянь: «Бля-а-а!»

Бездонное озеро дышало, качая на волнах солнечные блики. По безмолвному небу неспешно плыли облака. На первый взгляд холст излучал абсолютный покой. Но если вглядеться пристальнее, в этой безмятежности угадывалась затаённая угроза. Стоит ветру перемениться — и ласковая рябь вздыбится сокрушительным валом, готовым утянуть на дно и поглотить всё живое. Стоит грянуть грозе — и пушистые облака вмиг нальются свинцом, рухнут на землю стеной ледяного дождя, смывая и хороня под собой прошлое.

Мазки ложились размашисто и дерзко, но цветовая гамма оставалась строгой: только синий и белый в бесконечном многообразии своих оттенков и полутонов.

Ближе к пяти вечера Цзяньси наконец дал покой затекшим пальцам, отложил кисть и отправился в секцию тхэквондо.

В этот час здесь было пусто — студенты оккупировали столовые и окрестные закусовые. Переодевшись, Цзяньси вышел в зал. На нём были облегающая спортивная майка, свободные

шорты и борцовки на мягкой подошве. Прихватив две пары боксёрских перчаток, он направился к тренировочной зоне в углу.

Дацзянь вошёл в зал и швырнул рюкзак на маты. Одет он был примерно так же.

— Я ж не жрамши, — заворчал он, натягивая перчатки. — Если я тут копыта отброшу, тебе придётся тащить меня на закорках. И не дай бог нас кто-то сфоткает — завтра наши рожи будут висеть во всех студенческих пабликах...

В нескольких метрах от него Цзяньси с остервенением молотил тяжёлую грушу. Удары ложились один за другим, плотно и хлётко. Резкий выпад, мощный замах коленом снизу — бам! Он будто не замечал друга, полностью уйдя в себя. Мокрые от пота волосы слиплись и облепили шею, крупные капли летели с рук на маты при каждом движении. Влажная майка то липла к напряжённой спине, то пузырилась в такт его рваному дыханию.

— Эй! — крикнул Дацзянь, заходя со спины.

Едва выкрикнув это, он резко вскинул руки в глухой блок. В ту же секунду Цзяньси развернулся на пятках и с размаху впечатал кулак прямо в его перчатки, едва не достав до челюсти.

— Бля!.. Ну держись, придурок! — выдохнул Дацзянь и, улучив момент, когда Цзяньси отводил руку назад, рванулся в контратаку.

Дацзянь жутко злился. Мало того что притащился голодным на эту долбаную тренировку, так его ещё и использовали вместо груши. Шанс помахаться с Цзяньси выпадал нечасто, но сейчас тот нападал с такой яростью, что оставалось только защищаться. Обычно этот парень держал себя в руках, а если и срывался на безумства, то крайне редко. Чаще всего именно Дацзяню прилетало от него на орехи — обычно за компанию с Линь Буй.

— Да хорош уже, твою мать! — взмолился Дацзянь. Мышцы у него ныли от перенапряжения.

Ему всё-таки удалось зацепить Цзяньси: у того была рассечена губа, и капля крови, смешавшись с потом, медленно катилась к подбородку.

— Всё, хорош махать кулаками. Жрать хочу — подыхаю.

Дацзянь упёрся руками в колени, согнувшись пополам, и хрипло, надрывно задышал. Пот градом катился с лица на маты, он зажмурился, чтобы не щипало глаза. Сдёрнув перчатки, он швырнул их на пол и без сил повалился навзничь.

— Колись, кто тебе под хвост вожжу вогнал? — спросил Дацзянь, раскинувшись на полу звездой. Лицо у него было багровым, грудь тяжело вздымалась. — Наш многоуважаемый

господин Фан? Так Юньгэ говорил, что он за границей. Тогда кто? Папаша твой объявился?

Цзяньси молча сидел у стены. Он даже не снял перчатки, просто уронил голову на грудь, так что мокрые пряди чёлки закрыли лицо.

— Сегодня уехал? — не дождавшись ответа, Дацзянь понял, что угадал. — Ты поэтому себя так истязает? Цзяньси, ну колись уже, а? Хватит из меня дурака делать, я тебе не справочное бюро, чтобы в «угадайку» играть.

— Это не самоистязание. Скорее... подведение итогов, — тихо ответил Цзяньси.

Он закинул голову назад, прижавшись затылком к прохладному бетону стены. Он смотрел с глухой тоской, его глаза лихорадочно блестели, а веки слегка покраснели.

— Ну ты и... — Дацзянь вовремя прикусил язык, едва не обозвав его психом. — Кто бы мог подумать.

— Пусть почувствует то же, что чувствовал я, — жёстко, но на удивление спокойно произнёс Цзяньси. — С чего вдруг мы в расчёте? С какой стати вечно бросают только меня?

— Ладно, что уж там. За всё в этой жизни приходится платить, — вздохнул Дацзянь. — Хотя твои предки в своё время вряд ли мучились чувством вины... Этот старый лис пытался тебя развести, ты отплатил ему той же монетой. Раз уж он оказался дураком, пусть принимает поражение с достоинством. С глаз долой — из сердца вон. Раз сам убираться не желал, мы ему помогли.

— Мне не нужно то, чего они не дали, — тихо обронил Цзяньси. Под «ними» он, конечно же, имел в виду родителей. — Но если кто-то из них думает, что может так просто вернуться и лезть в мою жизнь... тут уж извините. Поиграть в заботу я ему не позволю.

Ему не досталось ни родительского тепла, ни уютного очага, ни элементарного чувства безопасности — всего того, что у большинства детей есть по праву рождения. Но Цзяньси давно с этим смирился. Рядом были те, кто помог ему встать на ноги и указал дорогу. А как и почему его бросили биологические родители — его больше не волновало.

Он не держал зла и не задавал вопросов, но это не значило, что они имеют право заявляться к нему в любой момент, когда им вздумается.

Уйти из его жизни было легко. Вернуться назад — невозможно.

Пусть живут в любом уголке планеты, в богатстве или бедности — ему плевать. Главное, чтобы больше никогда не попадались ему на глаза.

И это всё.

С каждым днём становилось теплее. Приближались майские праздники, и студенты потихоньку перелезали в лёгкую летнюю одежду. На запруженных народом улицах вовсю бурлила пёстрая, беззаботная жизнь.

— Охеренно! — шумно втянув порцию острой лапши, Дацзянь шумно выдохнул, пытаясь остудить горящий рот. — У тебя же губа разбита, а ты эту огненную хренотень ешь. Ну точно мазохист.

Он сощурился, разглядывая плоды своих трудов: угол рта Цзяньси заметно припух. Если бы тот не витал в облаках во время спарринга, хрен бы Дацзянь его зацепил. «И всё-таки он не умеет ненавидеть по-настоящему, — подумал Дацзянь. — И слава богу».

— Не зуди, — буркнул Цзяньси.

Он доел свою порцию, с сухим стуком положил палочки на стол и в упор посмотрел на друга.

Дацзянь только-только расслабился после драки, но под этим ледяным взглядом у него снова заныли рёбра.

— Слышь, говори прямо, чё вылупился? Твой фирменный взгляд-убийца на меня не действует!

— Ты мои джинсы брал? — прищурился Цзяньси. — Сносил, не постирал и засунул обратно в шкаф. Тебе что, давно люлей не прилетало?

— Ой... Да ладно? Какую ещё? Эти левайсы, что ли? Да я их стирал! — Дацзянь выдал самую невинную мину, на которую был способен, но лицо Цзяньси сделалось ещё мрачнее. — Тьфу ты, бя! Поймал-таки! Ну ты и гад хитрый!

— С тебя пироги с говядиной в субботу. Возражения есть? — Цзяньси отхлебнул бульон прямо из пиалы и поставил её на стол.

— Да какие тут возражения, замяли тему! — великодушно бабахнул ладонью по столу Дацзянь. — Моя матушка всегда твердит, что смотреть, как ты лопаешь — одно удовольствие. Кстати, у меня тут новость. Отличная новость.

Цзяньси поднял на него глаза. Дацзянь сиял так искренне и плотоядно, что сомневаться не приходилось — дело действительно стоящее.

— И что там?

— Брат Ли хочет встретиться и поболтать. Я заглянул в проект нового контракта — там практически все твои условия выполнены. Есть лишь одна деталь: комиссия агентства выросла на два процента. Подумай. Если согласен, заскочи к нему завтра после учёбы.

— Я в этом не особо шарю. Сколько это в деньгах? — спросил Цзяньси.

— У меня контракт семьдесят на тридцать, а тебе предлагают только пятьдесят процентов, — Дацзянь во все глаза уставился на друга, гадая, не перевернёт ли тот стол от такой наглости.

— Надо же, какие жадные, — хмыкнул Цзяньси, холодно усмехнувшись. — Совсем стыд потеряли?

— Так... ты согласен или нет? — Дацзянь замялся, не понимая его настроения.

— Схожу. И поторгуюсь, — выделил интонацией последнее слово Цзяньси.

Раз уж они сами приползли договариваться, значит, списывать его со счетов пока рано. А раз так — почему бы и не обсудить условия? Сейчас ему позарез нужны были деньги. Рассчитывать на быструю продажу картин глупо, а работа моделью, пусть он её и недолюбливал, на данный момент оставалась единственным реальным источником дохода.

Цзяньси медленно катил на велосипеде вдоль набережной Циньхэ. Поравнявшись с Циньхэ №48, он бросил мимолётный взгляд на то самое место, где они стояли с Фан Юем. Он машинально зажал тормоза, тело по инерции качнулось вперёд, но он тут же выпрямился и опустил ногу на асфальт.

Он долго смотрел на пустой тротуар. Перед глазами на миг со всей отчётливостью возник образ Фан Юя — вот он крепко сжимает его в объятиях, а вот уже сгибается пополам, прижимая ладонь к животу и опираясь на каменные перила моста. Цзяньси достал телефон и сфотографировал опустевшую набережную.

Он отыскал в контактах Фан Юя и отправил снимок с короткой припиской:

«На память».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Готов терпеть это вечно».

Цзяньси пару секунд смотрел на экран, затем спрятал мобильник в карман и нажал на педали.

Прохладными ночами оставалось наслаждаться от силы месяц — с приходом лета даже после заката дышать в городе станет нечем. За всю свою жизнь Цзяньси уезжал отсюда лишь пару раз, так что знал родные края как свои пять пальцев.

Он до нитки изучил здешние закоулки, смену времён года и каждую мелочь местной жизни.

За последние восемь часов Цзяньси словно прожил несколько разных жизней, растерявшись в дебрях собственной души.

Рядом с Фу Тяньюем он становился безжалостным мстителем. Четыре часа у мольберта превращали его в сомневающегося, измученного творца. В спортзале он выпускал наружу дикого, неуправляемого зверя. А наедине с Фан Юем... он и сам не знал, чего хотел больше — оттолкнуть его или сделать шаг навстречу. Обычный ужин, поездка на велосипеде, пустая болтовня — во всём этом крылись осколки разных личностей.

«И какой же из них настоящий? — думал он, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. — Какой из них — я?»

<http://bllate.org/book/18325/1765734>